

НОВЫЕ КНИГИ

РЕЦЕНЗИЯ: TALES OF THE NARTS.

ANCIENT MYTHS AND LEGENDS OF THE OSSETIANS

Translated by Walter May. Edited by John Colarusso and Tamirlan Salbiev.

Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2016. 442 p.

Ю. А. Дзиццойты

Статья является откликом на значимое, по мнению автора, культурно-историческое событие — выход в издательстве Принстонского университета (США) английского перевода осетинских эпических сказаний о нартах, выполненного в конце прошлого века Уолтером Мэем. Она начинается с описания структуры книги, затем следует краткая история перевода осетинской эпопеи на английский язык. Далее автор делится своими впечатлениями от общения с переводчиком, а также сообщает о нем сведения личного характера, малоизвестные широкому кругу читателей. Он высказывает свои критические замечания относительно подачи имен собственных и ряда комментариев, сопровождающих текст. Главным недостатком комментариев ему представляется недостаточный учет социальной структуры эпического общества, его индоевропейских основ, убедительно реконструированных в работах Ж. Дюмезиля, Г. Бейли, В. И. Абаева и др. В заключение делается вывод о несомненных художественных и научных достоинствах рецензируемой книги, публикация которой будет способствовать появлению новых академических переводов осетинской эпопеи, но уже не через посредство русского языка, а напрямую с языка первоисточника.

Ключевые слова: нарты, эпос, английский перевод, замечания, пожелания.

The article is a response to the quite significant, in the author's opinion, cultural and historical event, i.e. the publication by Princeton University (USA) of the English translation of the Ossetian Narts epics, made at the end of the last century by Walter May. Starting with a review of the book and description of its structure, the author then introduces a brief history of the translation of the Ossetian epics into English. Later on he shares personal impressions the interpreter produced on him, and recollects the data of personal nature, little-known to the wide range of readers. The author criticizes the way proper names are introduced as well as some comments made. The main shortcoming of the comments is insufficient account of the social structure of the epic of society, of its Indo-European origin, convincingly reconstructed in the works of G. Dumezil, G. Bailey, V.I. Abaev and others. Finally, he acknowledges the undoubted artistic and scientific merits of the book under review, the publication of which will contribute to the emergence of new academic translations of Ossetian epics, but not through the mediation of the Russian language, but directly from the language of the original source.

Keywords: Narts, epics, English translation, comments, propositions.

В издательстве Принстонского университета (США) вышел в свет Нартовский эпос осетин в переводе на английский

язык. Это долгожданное событие огромной культурно-исторической важности. Впервые англоязычный читатель получает пол-

ный свод осетинских сказаний в блестящем переводе известного английского поэта и переводчика Уолтера Мэя. Не только любители эпического жанра и фольклора в целом, но и ученые-фольклористы,истики литературы, этнографы, лингвисты и многие другие найдут в этом издании много полезного. И хотя осетинский эпос неоднократно переводился на русский, грузинский, французский, немецкий, английский, итальянский и словацкий языки, именно рецензируемому изданию суждено выполнить миссию популяризации гениального эпического творения скифо-сарматских народов древности, бережно донесенного до наших дней аланами-осетинами, среди широкого круга западного читателя.

Перевод нартовских сказаний выполнен с русского издания т.н. сводного текста осетинского эпоса, оригинал которого впервые был опубликован в 1946 г. в столице Северной Осетии, городе Дзауджикау, под редакцией В. И. Абаева. «Сводный текст» лег в основу всех последующих переводов как на русский, так и на другие языки, за исключением грузинского и одного из русских переводов, в основе которых лежит т.н. андиевская версия. Время показало, что «сводный текст», составленный на базе аутентичных записей осетинского эпоса, является, с одной стороны, блестящим памятником фольклора, а с другой — богатейшим объектом научного исследования. Поэтому следует приветствовать обращение к «сводному тексту» в качестве исходного для нового английского издания осетинской Нартиады.

Рецензируемая книга состоит из предисловия Дж. Коларуссо [1, ix — xiii], комментариев Т. К. Салбиева [1, xv — xvii], краткой биографии переводчика [1, xix], списка имен и непонятных терминов, подготовленного У. Мэем по соответствующему глоссарию, приложенному к одному из русских изданий «сводного текста» [1, xxi — xxvii] (кстати, неточно цитируемого как «Сказания из нартов» вместо «Сказания о нартах»), введения, написанного В. И. Абаевым к русскому изданию [1, xxix — lxiv], примечаний к нему переводчика

[1, lxiv] и издателя (Дж. Коларуссо) [1, lxiv — lxviii], самого корпуса эпических сказаний [1, 3-424], стихотворного посвящения переводчика [1, 425], именного указателя, составленного Дж. Коларуссо и обработанного Т. К. Салбиевым [1, 427-436] и библиографии [1, 437-442]. Кроме того, некоторые комментарии этнографического и культурно-исторического характера содержатся в сносках к тексту. Авторами этих комментариев являются Т. К. Салбиев, У. Мэй и Дж. Коларуссо [1, 10, 15, 18, 62, 119 и т.д.].

В соответствии с традицией, впервые встречающейся в «сводном тексте», сказания о нартах разбиты на циклы: «Вархаг и его сыновья», «Урузмаг и Сатана», «Сослан», «Сырдон», «Хамиц и Батрадз», «Ацмаз», «Саввай», «Отдельные сказания о нартах», последний из которых включает в себя также и сказание о гибели нартов. Это деление придает нартовскому эпосу четко структурированный вид, чего нет в ином национальных версиях данного эпоса. Для сравнения скажем, что абхазо-адыгская версия нартовского эпоса, переведенная на английский язык и изданная Дж. Коларуссо, не содержит даже намека на подобную циклизацию. Материал в этом издании подан в соответствии с национальной принадлежностью сказаний, а распределение сказаний внутри национальной версии не подчинено ни хронологической, ни какой-либо другой логической последовательности (см.: [2]).

Несколько слов следует сказать о переводчике и его работе. Английский поэт и переводчик Уолтер Мэй (1912–2002) родился и вырос в Великобритании, но свыше тридцати лет жил в России со своей супругой Людмилой Серостановой, поэтессой и переводчицей. Знание русского языка позволило У. Мэю переводить на родной язык произведения классиков русской литературы, а также других народов СССР. В частности, им переведены киргизский эпос, стихотворения К. Хетагурова (Хетагаты Къ.) и многое другое.

В восьмидесятых годах Мэй часто приезжал в Осетию, выступая перед студентами университета, встречаясь с представи-

телями интеллигенции и охотно выступая на страницах периодической печати. Именно в те годы он принял решение о переводе нартовского эпоса осетин на английский язык. В ходе своей работы У. Мэй часто обращался за консультациями к В. И. Абаву, которого он высоко ценил и о котором всегда говорил с чувством восхищения.

Свою любовь к осетинской культуре, фольклору, литературе и истории Мэй выражал не только в частных беседах, но и в публикациях, одна из которых вышла в 2001 г. на английском и русском языках [3]. Наивная по своей сути, эта брошюра содержит много трогательных строк, посвященных современным и древним осетинам.

Перевод нартовских сказаний Мэй завершил задолго до своей кончины, однако издание полной версии, которую мы сейчас рассматриваем, затянулось на долгие годы. Эти годы были заполнены двумя предварительными публикациями, первая из которых появилась на страницах ежегодника «Nartamongæ» (Владикавказ, 2002-2009, №№ 1-7) под названием «Selected Nartæ Tales». Это краткая версия нартовских сказаний, переизданная в 2007 г. в Южной Осетии под тем же названием [4]. Однако в последнем из этих изданий рядом с текстами на английском языке публикуются их осетинские оригиналы (по изданию 1946 г.). Это позволило обнаружить некоторые неточности в переводе У. Мэя, обусловленные в первую очередь посредничеством русского перевода. Эти и некоторые другие огрехи были отмечены в примечаниях З. С. Джиоты.

Сравнение текстов, опубликованных в «Selected Nartæ Tales», с теми же текстами, помещенными в «Tales of the Narts», показывает, что тексты последнего из них подверглись стилистической правке, несомненно, улучшившей их. Автором этих правок мог быть как сам У. Мэй, постоянно работавший над усовершенствованием своих переводов, так и кто-то из редакторов или издателей. Расхождений стилистического характера между двумя изданиями слишком много и вряд ли стоит останавливаться на каждом из них. Изменения

коснулись и заглавий. Так, вместо «The Nartæ Apple» [4, 21] появилось «The Apple of the Narts» [1, 7], вместо «How Wuryzmæg Divorced Satana» [4, 65] — «How Urizhmag Parted from Shatana» [1, 33] и т.п.

Но есть в рецензируемом издании и более существенные расхождения с предварительной публикацией, на одной из которых мы хотели бы остановиться.

В хорошо известном сказании «Как Урузмаг и Хамиц нашли деда своего Уархага» встречается примечательный эпизод, отсутствующий, кстати говоря, в переводе Ю. Либединского (см.: [5, 62]): юные герои, отыскав своего престарелого деда, воткнули в навозную кучу палку, и заставили деда помочиться на нее. По поднявшейся над кучей пене они поняли, что дед способен еще жить с женщиной, и женили его на своей матери. В «Selected Nartæ Tales» данный фрагмент переведен так: «Then they stuck his stick into the manure...» [4, 47], т.е. «Затем они воткнули его (Уархага. — Ю. Д.) палку в навоз...» Но из комментария З. С. Джиоты мы узнаем, что здесь вместо слова *manure* «навоз» у Уолтера Мэя фигурировало слово *rubbish* «мусор», и автор комментария сам исправил данную неточность [4, 205]. К сожалению, в рецензируемом издании данная ошибка осталась неисправленной: «Then they stuck his staff into the *rubbish*...» [1, 18]

В ряде случаев названия специфически осетинских реалий глоссируются прямо в тексте сказаний. Такая практика не мешает восприятию текста. Наоборот, даже помогает лучшему его усвоению. В большинстве случаев «внутренние» глоссы заимствованы из русского перевода. Но в некоторых случаях эти глоссы оказываются совершенно бледными, не передающими специфику осетинской реалии. Так, описывая традиционный осетинский столик *фынг* с ритуальными яствами, переводчик пишет о «three pies with cheese in them» [1, 25]. Это прямой перевод с русского «три пирога с сыром» [5, 71]. Из данного перевода-толкования неясно, о каких трех пирогах идет речь. В данном случае, на наш взгляд, следовало сохранить осетинский термин (*уагибаэх* || *уагиливых*) в фонетически адаптированном

виде, а в комментарии объяснить, что речь идет о ритуальных пирогах, специально выпекаемых для молитвы.

В анализируемом сборнике изменены также правила транслитерации осетинских имен и топонимов. Так, вместо *Æxsar* и *Æxsartæg* [4, 17] в новом издании находим *Akhshar* и *Akhshartæg* соответственно [1, 3 ff.]. Т.е. знак «х» русского алфавита передан не через латинское «x», а через «kh», что, на наш взгляд, более уместно. Вполне справедлива также замена знаков «Æ» и «æ» осетинского алфавита на «а». Однако этого нельзя сказать о замене знака «с» на «sh», знака «ц» на «s», «дз» на «z», «з» на «zh». Эти замены свидетельствуют о том, что издатель орфографическую норму осетинского литературного языка искусственно заменил произносительной нормой современного иронского диалекта. Нам не ясна целесообразность такой замены. Возможно, это сделано в целях адаптации осетинской ономастики к нормам английского языка. Но если учесть, что многие сказания «сводного текста» взяты из дигорского и югоосетинского фольклора и, следовательно, прошли через один уровень искусственной адаптации к нормам литературного языка, то адаптация этих же текстов к произносительной норме современного иронского диалекта означает для них второй уровень адаптации. А это снижает научную ценность рецензируемого сборника.

В анализируемом сборнике вызывают отторжение некоторые комментарии Дж. Коларуссо. Следует отметить, что этот автор не первый раз комментирует нартовский эпос. Еще в 1994 г., будучи редактором и автором предисловия к исследованию известных американских фольклористов Скотта Литлттона и Линды Малкор «From Scythia to Camelot», профессор Коларуссо позволил себе множество непродуманных комментариев, на что мы вынуждены были указать в своей рецензии (см.: [6]). Там же мы отметили, что в некоторых комментариях, вопреки научной этике, Дж. Коларуссо выдает этимологии своих коллег за свои собственные (например, этимологии этнонимов *алан*, *роксоланы*, женского име-

ни *Сатана* — «мать ста (нартов)» и пр.). К сожалению, за прошедшее время ничего не изменилось: эту же линию Коларуссо продолжил и в комментариях к изданному им английскому переводу абхазо-адыгской версии нартовского эпоса [2], а теперь и в переводе осетинской нартиады. В рамках рецензии невозможно дать оценку каждой этимологии этого специалиста [1, lxiv — lxviii, 427-436]. Отметим, что за редким исключением они не представляют научной ценности. Осетинский эпос, изучению которого посвящены работы В.И. Абаева, Ж. Дюмезиля, Г. Бейли и многих других выдающихся исследователей, на наш взгляд, заслуживает более компетентных комментариев.

Особое недоумение вызывают у нас следующие замечания Дж. Коларуссо к исследованию В.И. Абаева о нартовском эпосе. Оказывается, говоря об алдарах (феодалах) и прочих правителях, встречающихся в эпосе, как о чуждых элементах, Абаев пытался примирить нартовский эпос с марксизмом-ленинизмом, чтобы как-то ограждать (to defend) осетин в эпоху сталинского тоталитаризма [1, lxvii]. Далее автор уверяет читателя в том, что нартовский эпос в целом лишен политической информации, касающейся общественного устройства, а основой общественных институтов выступает там даже не племя, а род [ibid.].

Неплохо зная исследовательский метод В.И. Абаева, ответственно можем заявить, что марксизм-ленинизм не играл в его исследованиях практически никакой роли. Абаев всегда отдавал должное научному наследию классиков марксизма, в особенности работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», но марксизм как идеология был чужд этому ученому даже в эпоху сталинского тоталитаризма.

Что касается социального устройства нартовского общества, то Дж. Коларуссо следовало обратиться к специальным исследованиям З.Н. Ванеева, Ж. Дюмезиля, Ю.С. Гаглойти, того же В.И. Абаева и многих других исследователей, где даны ответы на интересующие его вопросы. Трехчаст-

ное деление общества, выявленное в нартовских сказаниях Дюмезилем, при котором господствующее положение занимают носители военной функции, соответствует аналогичному делению общества древних ариев по Авесте, Шахнаме, Ведам и многим другим памятникам мифологии и фольклора индоиранских народов. Борьба за власть между представителями военной функции, с одной стороны, и представителями управленческой и хозяйственной функций — с другой, является, на наш взгляд, основным конфликтом нартовского эпоса. Если к

этому добавить, что нарт Урузмаг ради сохранения своей власти приносит в жертву несколько своих сыновей, то окажется, что социальные отношения в обществе нартов имеют намного более сложный характер, нежели это представляется Дж. Коларуссо.

В заключение отметим, что рецензируемое издание нартовского эпоса осетин привлекательно как художественное произведение и весьма пригодно для научных целей. Стоит, однако же, подумать и о научном издании этого памятника, выполненного с языка оригинала.

-
1. Tales of the Narts. Ancient Myths and Legends of the Ossetians. Translated by Walter May. Edited by John Colarusso and Tamirlan Salbiev. Princeton and Oxford, 2016.
 2. Nart Sagas from the Caucasus: Myths and Legends from the Circassians, Abazas, Abkhaz and Ubykhs. Assembled, Translated and Annotated by John Colarusso. Princeton and Oxford, 2002.
 3. May W. Who were the ancient britts?: A historical, geographical, ethnographical and literary exploration. Moscow, 2001.
 4. Selected Nartæ Tales/Равзаргæ нарты кадджытæ. Compiled by Jiothi Zema. Цхинвал, 2007.
 5. Сказания о нартах/Пер. с осет. Ю. Либединского. Владикавказ, 2000.
 6. *Дзиццойты* Ю. А. Сарматские корни короля Артура // Южная Осетия. 2001. № 91.